

© 2019 г.

А. Ю. ВАТЛИН

ФАКТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КОМИНТЕРНА: ВТОРОЙ КОНГРЕСС 1920 года

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004839-0

Столетний юбилей Коммунистического Интернационала (Коминтерна) вновь привлек внимание ученых к истории этой организации, возникшей в Советской России, чтобы нести «светоч мировой революции пролетариата» другим странам. Стратегические цели, которые московское руководство Коминтерна ставило перед международным коммунистическим движением, так и не были достигнуты. Однако история политической борьбы компартий в условиях легальности и подполья, их самоотверженных попыток организовать революции в разных регионах мира, их теоретических поисков ответа на глобальные вызовы современности остаются важной составной частью европейской и мировой истории XX в.

Автор уже обращался к истории Учредительного конгресса Коминтерна, состоявшегося в московском Кремле в марте 1919 г.¹ Если этот конгресс был, говоря современным языком, лишь «декларацией о намерениях», пусть даже обращенной ко всему миру, значит, вопрос о дате фактического основания международной организации коммунистов остается открытым. Это соображение определило цель статьи: показать предысторию, подготовку, проведение и последствия Второго конгресса Коминтерна (19 июля – 7 августа 1920 г.)².

Хотя история Коммунистического Интернационала насчитывает всего четверть века, с точки зрения сохранности источников она делится на несколько неоднородных периодов. Первый из них – «период бури и натиска», на который и приходится Второй конгресс – характеризуется крайне скудным делопроизводством. Издатели стенограммы конгресса были вынуждены признать, что некоторые из выступлений его зарубежных участников вообще не были найдены, они реконструировались по косвенным источникам³. Речь идет о пленарных заседаниях, а работа комиссий, где принимались принципиальные решения, вообще не стенографировалась.

В связи с плохой сохранностью исходных материалов по истории Коминтерна и многократными «чистками» при их публикациях особую ценность приобретают другие виды источников. На заседания конгрессов допускались только корреспонденты центральных советских газет, репортажи которых готовились по одному шаблону, соединяя в себе безграничный пафос и любовь к конкретным деталям. Они должны были служить прежде всего пропагандистским целям, и меньше всего – являться

¹ Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М. 2009, с. 37–73.

² Исследование вышло за изначально заданные рамки, охватило несколько побочных сюжетов и вылилось в книгу «Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма» (М., 2019), ключевые моменты которой представлены в статье.

³ Второй конгресс Коминтерна. Июль-август 1920 г. Протокол (далее – Протокол). М., 1934, с. XII, 1.

источником для будущих поколений историков. Но и в них содержится важная информация о ходе политических дискуссий на пленарных заседаниях, об организации быта и досуга делегатов Второго конгресса, о мероприятиях, которые устраивались в Москве и Петрограде для того, чтобы коммунисты разных стран могли почувствовать привлекательность возникавшего в России нового мира. Мемуары участников и гостей конгресса, даже написанные через десятки лет после этого события, содержат интересные детали об обстановке, в которой проходил конгресс, о реальном раскладе сил в коммунистических группах разных стран.

Создание Коммунистического Интернационала рассматривалось в советской исторической науке как одна из сакральных тем, ибо являлось важной частью легитимации правящей партии, продолжавшей считать себя рычагом революционных преобразований мирового масштаба. Начальная фаза формирования коммунистического движения была детально изучена советскими историками и к пятидесятилетию со дня основания Коминтерна приведена в каноническую форму⁴. Столкновение мнений во время первых конгрессов Коминтерна трактовалось как борьба ленинской генеральной линии и различных уклонов, порожденных либо непониманием, либо сознательным предательством коренных интересов рабочего класса. В то же время труды отечественных историков советского периода отличала тщательная реконструкция генезиса тех или иных документов Коммунистического Интернационала, в них использовался широкий спектр источников, сохранившихся в архиве этой международной организации и недоступных иностранным исследователям⁵.

История Третьего, Коммунистического Интернационала, началась вместе с первыми выстрелами Первой мировой войны. Международное рабочее движение, гордившееся своим организационным и идейным единством, раскололось на отдельные партии, поддерживавшие военный курс собственных правительств. Наряду с размежеванием по национальному признаку, в социал-демократических партиях началось внутреннее брожение: стало формироваться их левое крыло, называвшее себя интернационалистским.

Решающим фактором, превратившим идею нового Интернационала в реальность, стала революция в России и приход к власти в ноябре 1917 г. леворадикальной фракции российских социал-демократов, к тому моменту уже оформившихся в самостоятельную партию большевиков. «Всемирный масштаб», предложенный В. И. Лениным и истолкованный социальными низами в традиционном для России мессианском духе, встретил холодный прием у зарубежных социалистов умеренного толка. В последующих дискуссиях речь шла не только и не столько о чистоте марксистской доктрины, сколько о том, что подражание «русскому примеру» грозило увековечить раскол Второго Интернационала, создав на его обломках несколько враждебных друг другу политических организаций. На рубеже 1919 г. оба течения начали гонку со временем, причем у российских большевиков по сравнению с крупнейшими социалистическими партиями Западной Европы были минимальные шансы на успех.

Руководящий центр Коммунистического Интернационала был создан в Москве еще до появления самих компартий в большинстве стран Европы. Однако вызов старому миру был брошен вовремя. Советские республики в Баварии и Венгрии, массовые выступления трудящихся в странах Антанты, подъем антиколониального движения — все это являлось реакцией не только на кошмары военных лет, но и на импульс социального обновления, заданный Российской революцией.

Ни для кого из иностранных сторонников большевизма не было секретом, что «правила игры задавали русские; это происходило само собой, настолько их

⁴ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 37–99.

⁵ Фирсов Ф. И. Коминтерн и строительство партии нового типа 1919–1920 гг. — Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий. М., 1972, с. 44–110; Шириня К. К. Вопросы союза рабочего класса с крестьянством. — Там же, с. 111–151.

превосходство было очевидным»⁶. Инициаторы создания компартий за рубежом изначально соглашались с решением Учредительного конгресса, что до формирования международного руководства «товарищи той страны, где находится Исполнительный комитет, берут на себя бремя работы»⁷. Среди иностранных коммунистов доминировала слепая уверенность в том, что большевики, творцы первой в мире успешной диктатуры пролетариата, не могут ошибаться и без их поддержки продвижение вперед мировой революции займет годы, если не десятилетия.

Решение Пленума ЦК РКП(б) о созыве Второго конгресса Коминтерна было принято по инициативе Ленина 8 апреля 1920 г.; Ленин написал проект соответствующего постановления⁸. Вопрос о том, почему это решение было принято именно тогда, не имеет однозначного ответа. За три дня до этого закончился Девятый съезд РКП(б), на котором впервые стоял вопрос о Коминтерне. Председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г. Е. Зиновьев по болезни отсутствовал на съезде, но выступления его соратников по Политбюро с лихвой компенсировали зиновьевскую патетику. Открывая съезд, Ленин назвал капповский путч (неудавшийся военный переворот в Берлине) «немецкой корниловщиной», которая подтверждает, что «пролетарская советская власть в Германии растет неуклонно», что «недалеко время, когда мы будем идти рука об руку с немецким советским правительством»⁹. Сразу же после съезда, отложив все дела, Ленин сел за написание одной из самых известных своих работ – «Детская болезнь “левизны” в коммунизме». Будущий конгресс Коминтерна должен был стать не только инструментом сплочения разношерстных коммунистических групп, но и местом масштабной презентации этой книги, спешно переведенной на основные европейские языки.

Нельзя исключать и того, что решение о его скорейшем созыве было реакцией на события, происходившие на противоположном, правом фланге рабочего движения Европы. Назначенный на февраль 1920 г. созыв первого послевоенного конгресса Второго Интернационала был отложен после того, как от участия в нем отказались партии, руководство в которых захватили левые социалисты¹⁰. Утвердив диктатуру своей партии в ходе двухлетней гражданской войны в России, большевики готовы были на равных побороться с «социал-предателями» за влияние в мировом масштабе. С их точки зрения главной проблемой к 1920 г. являлся быстрый рост коммунистического движения вширь, стихийное образование леворадикальных групп и партий в разных странах мира, называвших себя коммунистическими, но имевших слабое представление и друг о друге, и о доктрине «мирового большевизма». Второй конгресс Коминтерна должен был ввести этот процесс в общее русло, унифицировать идейную платформу движения, усилить центростремительные тенденции в отдельных странах.

1 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило опубликовать решение о созыве конгресса¹¹. На следующий день было подготовлено соответствующее информационное письмо за подписями Г. Е. Зиновьева и К. Б. Радека, разосланное открытым текстом по радио и опубликованное в журнале «Коммунистический Интернационал»¹². В отличие

⁶ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург, 2001, с. 132.

⁷ Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М., 1933, с. 219.

⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг. Документы (далее – Политбюро). М., 2004, с. 40–41.

⁹ Девятый съезд РКП(б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. Протокол. М., 1934, с. 5.

¹⁰ Первоначально конгресс в Женеве должен был состояться в феврале 1920 г., однако из-за угрозы раскола его открытие перенесли на июль того же года. Тем не менее влиятельные социалистические партии из Германии, Швейцарии, Италии и Франции не приняли участия в конгрессе. – *Braunthal J. Geschichte der Internationale*, Bd. 2. Berlin – Bonn, 1974, S. 177.

¹¹ Политбюро, с. 43.

¹² Коммунистический Интернационал, 1920, № 11, с. 1701–1703. Журнал был подписан в печать 14 июня 1920 г. Телеграмму с проектом письма см.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 495, оп. 1, д. 24, л. 36–40.

от Учредительного конгресса, созыв которого держался в тайне, так как мог помешать приезду иностранных делегатов в Россию, приглашение на Второй конгресс зарубежных сторонники Коминтерна получили гласно. С одной стороны, рассчитывать на сохранение тайны при наличии десятков коммунистических партий было бессмысленно, с другой — ставка делалась на то, что «открытое назначение съезда вызовет огромный прилив и сильнее свяжет нас с рабочим движением всего мира»¹³.

Как же добирались делегаты будущего конгресса в Советскую Россию, где еще бушевала гражданская война? Это зависело от политического климата в той или иной стране, отношения ее правящих кругов к диктатуре большевиков, степени признания той или иной коммунистической группы, собиравшейся отправиться в Москву. Легче всего было представителям легальных партий, имевших в своих странах парламентские фракции. Весной 1920 г. Россию посетили представители английских лейбористов, итальянских и немецких социалистов, деятели национально-освободительного движения Востока. В ходе визитов происходил негласный отбор потенциальных сторонников Коминтерна, которым предлагали принять участие в конгрессе.

Комфортным было путешествие четырех немецких «независимцев» — членов центристской Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), выехавших из Берлина 13 июля 1920 г.¹⁴ Они оказались на одном пароходе с делегатами от компартии Германии (КПГ), и проявляли на протяжении двух дней морской поездки в Ревель по отношению друг к другу завидную толерантность. Французский синдикалист А. Росмер добирался из Парижа в Россию через Милан, Вену, Прагу, Берлин и Таллинн ровно шесть недель. Первоначальной целью его поездки было ознакомление руководителей ИККИ с состоянием дел в социалистическом движении своей страны. Лишь на пути в Петроград Росмер узнал, что вскоре предстоит конгресс Коминтерна¹⁵. Нечто подобное случилось и с делегацией итальянских социалистов. Уже в России они узнали о предстоящем конгрессе и получили подтверждение своих мандатов по телеграфу.

Решением Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 г. будущих делегатов отправили в агитационную поездку по европейской части России, которая продолжалась 12 дней¹⁶. В ней приняли участие 28 человек из 11 стран. Пароходом они проплыли по Волге до Саратова, откуда поездом через Тамбов и Тулу вернулись в Москву. Руководивший поездкой С. А. Лозовский писал в отчете, что «вся провинция была взбудоражена появлением настоящих, не понимающих русского языка иностранцев, производивших чарующее впечатление на пролетариев»¹⁷.

Согласно официальному изданию стенограммы конгресса, 147 из 217 делегатов представляли иностранные компартии, остальные — Россию. Из 70 человек 64 были оформлены как делегаты РКП(б), шестеро как представители комсомола и примыкавших к партии большевиков коммунистических организаций¹⁸. Делегаты Второго конгресса представляли 36 стран с четырех континентов. На фоне Первого конгресса, когда в Москву смогли пробраться всего несколько человек из-за рубежа, это был несомненный успех, свидетельствовавший о том, что идеи Российской революции нашли отклик во всем мире.

Несовершенство статистики не дает возможности составить коллективный портрет делегатов Второго конгресса Коминтерна. Можно предположить, что в большинстве своем это были не рабочие от станка, а профсоюзные и партийные деятели, публицисты и литераторы, вставшие на леворадикальные позиции под воздействием

¹³ Там же, д. 6, л. 86.

¹⁴ *Dittmann W.* Erinnerungen. Frankfurt a. M., 1975, S. 719.

¹⁵ *Rosmer A.* Moskau zu Lenins Zeiten. Frankfurt a. M., 1989, S. 33.

¹⁶ Политбюро, с. 49.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 489, оп.1, д. 51, л. 2–5.

¹⁸ Протокол, с. 619–625.

Первой мировой войны. Женщин среди делегатов было около двадцати, почти все они имели довоенный опыт просветительской и политической работы.

Судя по сохранившимся фотографиям, на конгрессе доминировала молодежь. Многие из молодых людей приобрели военный опыт, чудом остались в живых и ныне мучительно искали выход из тупика, в котором оказалась цивилизованная Европа. Старые кадры Второго Интернационала были представлены центристами, среди которых выделялся итальянец Д. Серрати. «Левые» относились к ним с подозрением, считая, что именно они несут ответственность за то, что социалистические партии в момент начала Первой мировой войны предали свои международные обязательства. По их мнению, новый мир предстояло построить с чистого листа, освободившись от старого политического хлама.

Первых прибывших делегатов селили в гостинице «Деловой двор», располагавшейся напротив Варваринской башни Китай-города. Скрыть от иностранцев плачевное состояние советского быта было невозможно. Уже 15 июня 1920 г. Политбюро рассматривало жалобу Радека на плохое питание прибывших делегатов. Страна находилась в пекле гражданской войны, население крупных городов голодало, но для гостей были выделены солидные фонды продовольствия. Однако хорошая еда никак не могла добраться до делегатов и гостей.

На бумаге принимались грозные резолюции, но дело не двигалось с места. Зато иностранцы получили наглядный урок российского бюрократизма, перед которым склонила голову даже диктатура большевиков. Как обычно, последняя надежда возлагалась на военных из аппарата Л. Д. Троцкого. 17 июня 1920 г. ближе к полуночи в его секретариате было созвано срочное совещание. «Положение, в какое попадают приезжие делегаты и вообще гости в Москве, совершенно нетерпимо... Необходимо обеспечить делегатов и гостей удобными помещениями, достаточным питанием, средствами транспорта и связи»¹⁹. Лишь после создания особой комиссии, получившей чрезвычайные полномочия, подготовка конгресса получила должный размах и динамику.

Идея провести торжественное открытие Второго конгресса в Петрограде родилась не сразу. Не вызывает никаких сомнений, что инициатива исходила от Зиновьева, который возглавлял Петроградский совет и городскую организацию РКП(б) и хотел таким образом лишний раз продемонстрировать собственные возможности. Членам Политбюро показалась симпатичной и символика фактического рождения Коминтерна в «колыбели Российской революции», и последующее «путешествие из Петербурга в Москву» как связь революционной традиции и будущих свершений.

Днем 18 июля 1920 г. собравшиеся в Москве делегаты конгресса отправились в Петроград. В девять утра следующего дня их ждала торжественная встреча на площади перед Николаевским вокзалом, где были выстроены части петроградского гарнизона, детские отряды бойскаутов и пионеров. «На трамваях, превращенных в беседки из зелени и красных флагов, изукрашенных надписями и лампочками, среди веселой, приветливой рабочей толпы выезжают делегаты в Смольный», сообщала на следующий день газета «Правда». Там состоялась их первая встреча с Лениным. После этого все вместе направились во дворец имени Урицкого (бывший Таврический), где и должно было состояться открытие конгресса.

Очевидец восторженно описывал убранство зала, где должна была состояться церемония открытия: «Красные знамена, отделанные золотой вышивкой, украшали президиум и зал. Такие же полотна с эмблемами, расписанные и расшитые, свешивались с хоров. Тропические деревья в кадках, присланные оранжереями из-под Петрограда, красиво выделялись своей зеленью на пламени знамен. Дорожки устлали пол и проходы в зале и президиуме. Стол президиума с рядами кресел находился как бы в закругленной нише на значительном возвышении»²⁰. Знамена и лозунги на де-

¹⁹ Почтотелеграмма Троцкого и Зиновьева о созыве совещания 17 июня 1920 г. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 109, д. 103, л. 4.

²⁰ Алексеева В. Ф. На открытии II конгресса Коминтерна. – Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 6. М., 1990, с. 230.

сятках языков драпировали царских орлов, барельефы которых все еще красовались на выступлениях амфитеатра.

Пафосное оформление скорее напоминало довоенные конгрессы Второго Интернационала, на которых бывали Ленин и его соратники. В ключе революционной традиции европейского социалистического движения были выдержаны первые слова Зиновьева, обращенные к памяти павших борцов за дело рабочего класса, а также приветствия от имени иностранных делегатов и от имени граждан новой России (с ним выступил «всероссийский староста» М. И. Калинин).

Апофеозом зиновьевского доклада стал прогноз скорой победы коммунистов в ведущих странах мира: «Я позволю себе высказать пожелание, чтобы к 50-летию Парижской коммуны (весной 1921 г. — А. В.) мы имели во Франции Французскую Советскую республику»²¹. Вслед за Зиновьевым на трибуну поднялся Н. И. Бухарин, предложивший состав президиума: немец П. Леви, француз А. Росмер, итальянец Д. Серрати, два представителя РКП(б) — Г. Е. Зиновьев и В. И. Ленин. Речь последнего, посвященная международному положению и вытекающим отсюда задачам Коминтерна, стала центральным моментом процедуры открытия конгресса. Появление Ленина на трибуне было встречено несмолкающими овациями и приветствиями на десятках языков мира. Немцу В. Дитману запомнилось, что вождь РКП(б) несколько раз пытался добиться тишины, делая успокаивающие жесты руками, потом достал из жилета карманные часы и показал их собравшимся²².

Присутствовавший на заседании В. Серж²³ отмечал, что докладчик «часто использовал повторы, чтобы вбить в голову идею, как вбивают гвозди. Однако благодаря убедительной мимике и разумной уверенности его выступления никогда не вызывали скуку»²⁴. Впрочем, для собравшихся в главном зале Таврического дворца иностранных делегатов ни глубина теоретических построений, ни ораторское мастерство Ленина не имели значения. Главное заключалось в другом: они своими глазами видели легендарного вождя Российской революции, чье имя в их странах никого не оставляло равнодушным, одних приводя в дикий восторг, а на других наводя неподдельный ужас.

После открытия конгресса его делегаты пешком отправились на Дворцовую площадь, где прошла демонстрация петроградских рабочих и состоялся массовый митинг. За полночь на площади Народных зрелищ (бывшей Биржевой) началось театрализованное представление под названием «Два мира»²⁵. Художественным руководителем постановки была жена Максима Горького М. Ф. Андреева. Между Ростральными колоннами была сооружена огромная трибуна вместимостью до 5 тыс. человек, по данным местных властей, за представлением наблюдало около 80 тыс. петроградцев. Под свет прожекторов с военных кораблей зрителям были показаны сцены, изображавшие историю социализма начиная с появления Коммунистического манифеста и заканчивая атакой буденовской кавалерии.

Представление в белую ночь венчала сцена под названием «Апофеоз», что подразумевало создание Третьего Интернационала. В завершение петроградцы увидели фейерверк. Праздник закончился в половине четвертого утра. Целый час делегатам пришлось ждать, пока площадь опустеет, после этого их трамваями отправили на вокзал, где они провели в своих вагонах остаток ночи, а днем вернулись в Москву, проведя в пути 18 часов. Смета мероприятий одного дня обошлась Петроградскому совету в 20 млн рублей²⁶.

²¹ Протокол, с. 11.

²² *Dittmann W.* Op. cit., S. 724.

²³ *Серж, Виктор* (Виктор Львович Кибальчич) — русский и франкоязычный писатель и революционер.

²⁴ *Серж В.* Указ. соч., с. 127.

²⁵ РГАСПИ, ф. 489, оп. 1, д. 49, л. 17–18.

²⁶ Там же, д. 57, л. 8.

Пышное и бессодержательное открытие конгресса показало, насколько сильным было стремление его организаторов ошеломить приехавших из-за рубежа делегатов всемогуществом новой власти в России. Советское правительство сделало все, подчеркивал Радек, чтобы «съезд мог работать в самых лучших условиях и чтобы делегаты поехали отсюда, увидев собственными глазами, как на деле выглядит первая живая рабочая революция»²⁷.

После приезда делегатов в Москву свою работу начали комиссии конгресса. В сложных случаях был опробован такой механизм поиска компромиссных решений, как встречи российских лидеров с делегацией той или иной компартии. Этот механизм на протяжении 1920-х годов использовался неоднократно, хотя далеко не все неформальные переговоры были зафиксированы на бумаге. Реконструируя их ход и итоги по косвенным источникам, историк неизбежно попадает в область предположений.

Так, в «Биохронике» Ленина указана встреча делегаций РКП(б) и КППГ, состоявшаяся не позднее 18 июля 1920 г. и посвященная допуску на конгресс делегации «гамбургских левых»²⁸. Не называя точных дат, о кризисном заседании Исполкома «накануне открытия конгресса в Москве» неоднократно упоминал Зиновьев. Речь шла о предоставлении решающего голоса представителям Коммунистической рабочей партии Германии (КРПГ), в которой доминировали анархо-синдикалисты. Несмотря на авторитет лидеров РКП(б), дело дошло до открытого конфликта: при голосовании четверо участников заседания были против, а один из членов немецкой делегации заявил, что принимая решение в пользу КРПГ и против официально признанной германской компартии, «мы хороним Третий Интернационал»²⁹.

Очевидно, в дни, предшествующие возобновлению работы конгресса в Москве, состоялся ряд встреч, которые в воспоминаниях и отчетах его участников слились в единое целое. Несомненно, что в их ходе контрагентом большевиков выступали прежде всего немецкие коммунисты во главе с П. Леви: «Наши товарищи считали это недопустимым, опасаясь, что равноправный допуск синдикалистских, более или менее антикоммунистических организаций, приведет к нежелательным изменениям характера Коммунистического Интернационала»³⁰. Как следствие, «делегация специальным письмом уведомила ЦК Российской коммунистической партии, что в том случае, если представители КРПГ будут допущены на конгресс с решающим голосом, она будет вынуждена уехать»³¹. Лишь после нескольких встреч немецких и российских коммунистов был найден компромисс.

21 июля 1920 г. прошло чрезвычайное заседание делегации лидеров РКП(б) и зарубежных компартий. На сей раз речь шла о «правых», то есть о допущении на конгресс делегации НСДПГ³². Член этой делегации В. Дитман в воспоминаниях пишет, что и эта встреча проходила в Кремле. Ленин отозвал «независимцев» в особую комнату, чтобы из первых рук получить информацию о состоянии дел в Германии и переубедить своих оппонентов. Разговор получился острый и нелицеприятный. Лидеры НСДПГ заявили, что готовы к союзу Берлина и Москвы, но не потерпят навязывания им политической линии Коминтерна. Парируя обвинения в соглашательстве и оппортунизме, Дитман сказал: «Если мы будем подходить к вам с такими же мерками, как и вы к нам, то я могу вам сказать: нет в мировой истории больших оппортунистов, нежели Ленин и его товарищи»³³.

²⁷ Там же, ф. 495, оп. 1, д. 6, л. 90.

²⁸ Ленин В. И. Биохроника, т. 9. М., 1978, с. 110.

²⁹ Зиновьев Г. Е. Два пути. — Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала, № 1. См. также речь Зиновьева на Девятой конференции РКП(б). — РГАСПИ, ф. 44, оп. 1, д. 3, л. 114–117.

³⁰ Вальшер Я. Записки делегата Второго конгресса Коминтерна. — О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. М., 1963, с. 541.

³¹ Там же.

³² РГАСПИ, ф. 495, оп. 1, д. 6, л. 111–125.

³³ Dittmann W. Op. cit., S. 738.

Вечером 23 июля 1920 г. иностранные коммунисты, разместившиеся в нескольких гостиницах Москвы, стекались в Кремль. Андреевский зал Большого кремлевского дворца украшали те же кумачовые полотнища с лозунгами на десятках языков, что и Таврический дворец в Петрограде. Стоявший в нише царский трон был вынесен в соседнюю комнату, где проходили неформальные встречи и дискуссии. На сохранившихся фотографиях видно, что делегаты любили фотографироваться на балконе дворца у сложенных в кучу двуглавых орлов, а также рядом с почетным караулом у подаренного Моссоветом знамени с надписью: «Коммунистическому Интернационалу – верховному руководителю соединенных пролетарских армий мира»³⁴.

Во время пленарных заседаний люди сидели за столами в окружении пальм и фикусов, что придавало обстановке несколько ресторанный вид. В фойе перед залом заседаний была вывешена карта, на которой каждый день отмечалось продвижение Красной Армии на польском фронте. «Делегаты каждое утро с захватывающим интересом стояли у этой карты»³⁵. Атмосфера близости решающих сражений мировой революции не могла оставить безучастной даже колеблющихся делегатов от НСДПГ. Пример большевиков, «ясная и твердая воля которых держит в руках целый народ», электризует и немецких товарищей, ибо «каждый километр, пройденный Красной армией, является стимулом к революции, шагом вперед к революции в Германии»³⁶.

Из 16 заседаний конгресса лишь шесть начинались в первой половине дня. Правилом было заканчивать пленарную работу за полночь, после чего собирались рабочие группы и комиссии, которые дискутировали еще два-три часа. Такой стиль работы лидеров большевистской партии и правительства, подразумевавший постоянные ночные бдения, бросался в глаза иностранным гостям красной Москвы. Собрать делегатов в первой половине дня было почти невозможно, для этого требовались личные приглашения от Ленина. Впрочем, и сами лидеры РКП(б) были крайне непунктуальными и заставляли часами себя ждать, а когда появлялись на конгрессе, ссылались на неотложные государственные дела³⁷.

Наряду с дефицитом пунктуальности, серьезной проблемой, мешавшей нормальному ходу конгресса, стало непонимание друг друга. Официальными языками конгресса были русский, французский и немецкий, но доминировал последний, считавшийся языком Второго Интернационала. На немецком выступали некоторые делегаты от РКП(б), имевшие за своими плечами опыт эмиграции в Германии³⁸.

На первом московском заседании конгресса Зиновьев сделал доклад о задачах компартии до и после захвата власти пролетариатом. Председатель ИККИ выступал более конкретно и деловито, чем Ленин в Петрограде, хотя и придерживался общепринятой схемы, используя в качестве опорной линии опыт большевизма. Для победы в любой стране пролетариям нужна «партия централизованная с железной дисциплиной». После захвата власти она не отходит на второй план, как утверждают анархо-синдикалисты. Напротив, объем решаемых ею задач увеличивается – партия ведет пролетариат дальше, ибо она есть «мозг советов»³⁹.

Менторский тон Зиновьева встретил сопротивление английских делегатов, представлявших движение «шоп-стюартов» – фабрично-заводских старост. Организационно оставаясь частью Лейбористской партии, они отстаивали тактику «прямого действия». Дж. Таннер заявил, что признание модели большевистской партии как единственно верной приведет Третий Интернационал в тупик догматизма, ибо «то, что

³⁴ РГАСПИ, ф. 489, оп. 2, д. 280, 285.

³⁵ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963, с. 500.

³⁶ Протокол, с. 155.

³⁷ *Rosmer A.* Op. cit., S. 79; *Dittmann W.* Op. cit., S. 735.

³⁸ Бухарин извинился за то, что «это будет отнюдь не немецкий язык, но нечто, его заменяющее». – Протокол, с. 284.

³⁹ Там же, с. 55, 52.

произошло и происходит сейчас в России, не должно все же выставляться как образец для всех стран»⁴⁰.

Резолюция конгресса о роли компартий до и после захвата власти исходила из того, что кризис буржуазного строя достиг своей наивысшей точки, но только компартии способны использовать его для перехода власти в руки пролетариата. Призыв «идти в массы» подразумевал не тех рабочих, кто находился на тот момент в рядах социал-демократии, а «наименее организованные и просвещенные, наиболее угнетенные и наименее доступные организации» слою европейского и мирового пролетариата⁴¹. Через год, на Третьем конгрессе Коминтерна, этот призыв получил иную трактовку, подразумевающая вхождение коммунистов в рабочие организации, находившиеся под контролем реформистов, для того, чтобы лишить последних их массовой базы.

На второй день работы в Москве стало ясно, что «левые» и весьма активные англичане не будут молчаливым меньшинством и скорее сами привнесут на заседание культуру парламентских дебатов, чем будут соблюдать большевистскую дисциплину и держать рот на замке. Президиум предложил основную работу сосредоточить в комиссиях⁴². Зиновьев тут же продемонстрировал, как работает новая система — его тезисы о роли компартии до и после захвата власти были обсуждены комиссией за одну ночь и 24 июля приняты конгрессом с минимальными поправками⁴³.

При таком темпе работы вряд ли можно было рассчитывать, что советским режиссерам удастся перестроить на большевистский лад образ мысли иностранных делегатов. «Немногие из прибывших в Москву были готовы во всех пунктах принять предложенные им тезисы, ибо их содержание отличалось от тех систем, в которых они привыкли размышлять»⁴⁴. На руку организаторам конгресса играло то, что собравшиеся в Большом кремлевском дворце почти не были знакомы друг с другом, хотя почти каждый из них до приезда в Москву имел контакты с российскими большевиками. Серрати жаловался одному из немецких социалистов, что в отличие от заседаний Второго Интернационала, на которых все лично знали друг друга, здесь он увидел исключительно незнакомые лица⁴⁵.

Обсуждение условий приема в Коммунистический Интернационал являлось одним из важнейших вопросов конгресса и продолжалось в течение двух дней (29—30 июля). Речь шла о том, чтобы в условиях продолжающегося размежевания между левыми радикалами и умеренными реформистами в международном социалистическом движении не допустить последних в ряды создаваемых компартий. Зиновьев так рассказывал о модуле работы над этим пунктом повестки дня: «мы тщетно ломали голову, нельзя ли еще десять условий придумать, чтобы было труднее проскользнуть к нам реформистам. Каюсь, вся наша изобретательность ничего больше придумать не могла»⁴⁶. Все это выглядело как максимальное расширение комплекса карантинных мероприятий, чтобы не допустить заражения подопечных пациентов опасной болезнью.

Насылая проклятия в адрес «соглашателей и реформистов», Зиновьев не говорил о том, что в годы Первой мировой войны во многих странах оформились левосоциалистические партии, которые составляли серьезную конкуренцию коммунистам.

⁴⁰ Там же, с. 59. Немецкий синдикалист А. Сухи назвал партийную доминанту в практике Коминтерна «теоретическим жонглерством». — Там же, с. 76.

⁴¹ Резолюция конгресса «Об основных задачах Коммунистического Интернационала». — Там же, с. 475.

⁴² Всего было создано 10 комиссий и несколько подкомиссий, список их членов приводится в материалах конгресса. Заседания комиссий не стенографировались. — Там же, с. 627.

⁴³ Там же, с. 77—79, 80—88.

⁴⁴ Rosmer A. Op. cit., S. 67.

⁴⁵ Dittmann W. Op. cit., S. 733.

⁴⁶ Зиновьев Г. Второй конгресс Коминтерна и его значение. Доклад на заседании Петросовета. М., 1920, с. 18.

Потеря контроля над международным объединением своих сторонников в понимании лидеров РКП(б) была равнозначна потере смысла самой Российской революции: «наша партия готова скорее остаться в полном одиночестве, чем соединиться с такими элементами, которые мы считаем буржуазными»⁴⁷. Иностранцы делегаты не были готовы идти на конфликт такого масштаба. В результате обсуждение условий вылилось в бесконечную череду обвинений и заявлений, вплоть до требования удалить из партий Коминтерна всех франкмасонов. Если сторонники умеренной линии делали акцент на разъяснительную работу среди рабочих-социалистов, то крайняя позиция «левых» (они были в явном большинстве на конгрессе) характеризовалась требованием немедленного организационного раскола сверху донизу⁴⁸.

Из четырех конгрессов Коминтерна, состоявшихся при жизни Ленина, Второй был самым «ленинским». Вождь РКП(б) присутствовал на большинстве его заседаний, делал доклады по двум пунктам повестки дня, четыре раза выступал в прениях, входил в три из десяти комиссий. Он был окружен почти религиозным поклонением, делегаты ловили каждое его слово и каждый жест, чтобы по возвращении на родину донести свои впечатления до единомышленников. Важно было даже не то, что говорил Ленин, важен был сам факт его присутствия на обсуждении того или иного вопроса. Каждое появление на трибуне вождя большевиков сопровождалось неутрачивающими овациями, здравицами и криками восторга, которые не могли расшифровать стенографистки.

Ленин не только жестко отстаивал свой взгляд на перспективы «мирового большевизма», но и проявлял готовность к уступкам, если ему противостояло солидное большинство. Так, подготовленные им тезисы об основных задачах Коммунистического Интернационала в ходе работы комиссии конгресса были скорректированы влево. Ключевая фраза проекта тезисов: «задача момента для коммунистических партий состоит теперь не в том, чтобы ускорять революцию, а в том, чтобы усиливать подготовку пролетариата»⁴⁹, была сформулирована иначе: «задача... состоит в том, чтобы ускорять революцию, не вызывая ее, однако, искусственно, без достаточной подготовки; подготовка пролетариата к революции должна быть усилена действием»⁵⁰.

Эта уступка многократно приводилась советскими историками в качестве доказательства тактической гибкости автора тезисов⁵¹, хотя Ленин летом 1920 г. под влиянием успехов Красной Армии в советско-польской войне заметнo «полевел». Это касалось и его соратников. «Троцкий лишь изредка появлялся на конгрессе, его больше заботило положение на полыхающем польском фронте»⁵². Вопреки ожиданиям и просьбам делегатов, польский вопрос не был поставлен на повестку дня конгресса. Однако он неизменно возникал в его кулуарах. «Мы ставили тогда в частных совещаниях на II конгрессе вопрос о переходе к наступательной тактике... стали практически обсуждаться вопросы о том, может или нет одна победившая рабочая республика «на штыках» нести социализм в другие страны», — рассказывал Зиновьев на Десятом съезде РКП(б)⁵³.

По мере того, как советские кавалерийские части приближались к Варшаве, в руководстве большевистской партии и Коминтерна нарастала уверенность в близкой победе мировой революции. Ленин телеграфировал Сталину 23 июля 1920 г.: «положение

⁴⁷ Зиновьев объявил этот ультиматум от имени ЦК РКП(б). — Протокол, с. 168.

⁴⁸ Французский делегат Гильбо подчеркивал, что «мы не должны начинать переговоров с партиями, которые, несмотря на все свои декларации, не могут дать нам никакой гарантии на будущее». — Там же, с. 192.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 188.

⁵⁰ Протокол, с. 471.

⁵¹ Лейбзон В. М. Ленинская оценка обстановки и перспектив мировой революции. — Второй конгресс Коминтерна, с. 35–36.

⁵² Серж В. Указ соч., с. 132.

⁵³ Десятый съезд РКП(б), с. 501.

в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я, думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию»⁵⁴.

В аппарате Коминтерна и в секретариате Троцкого обсуждался вопрос о создании из коммунистов в сопредельных с Польшей странах боевых отрядов, которые в нужный момент поддержат Красную Армию⁵⁵. Нарком обороны отличался склонностью к красивым жестам, и собравшиеся в Москве представители компартий всего мира ожидали, что его усилиями Варшава будет взята еще во время конгресса. Их восторги у карты военных действий, вывешенной перед залом заседаний, определялись тем, что благодаря успехам Красной Армии они начинали чувствовать себя решающим фактором мирового развития.

С советско-польской войной было связано и неожиданное для иностранных делегатов сворачивание конгресса. На первом августовском заседании Зиновьев обратился к ним с настоятельной просьбой: «с сегодняшнего дня нам следует работать быстрее, чтобы закончить нашу работу к четвергу» (5 августа 1920 г.).⁵⁶ В результате делегаты принялись за дело с невиданным усердием — за пять дней (со 2 по 6 августа) было проведено восемь заседаний, их объем составил более половины опубликованной стенограммы конгресса.

На завершающей стадии его работы вопросом, вызвавшим наиболее острые дискуссии, неожиданно оказался профсоюзный. Это было связано с тем, что в Москву были приглашены представители синдикалистских организаций из Западной Европы и США, которые еще только присматривались к новому международному объединению и отнюдь не обладали большевистской дисциплиной. Линия руководства РКП(б) в этом вопросе, провозглашенная на конгрессе Радеком, требовала от коммунистов, с одной стороны, продолжения работы в социал-реформистских профсоюзах, а с другой — создания подчиненного Коминтерну международного центра профсоюзного движения. В качестве ядра будущего Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерна) фигурировали такие организации, как фабзавкомы в Германии или движение фабричных старост в Великобритании. Создание в противовес реформистским профсоюзам альтернативных центров рабочего движения с ярко выраженной леворадикальной тенденцией являлось характерной чертой первых послевоенных лет, однако ни один из этих центров (включая и Профинтерн) не завоевал в последующие годы массового влияния.

Не понаслышке знакомые со спецификой рабочего движения, делегаты-синдикалисты из США подчеркивали, что взгляд на профсоюзы как на инструмент завоевания масс коммунистами слишком узок, а их раскол по идейному принципу имеет смысл только во время революции или после нее. Теоретикам противостояли практики. Представитель последних, шотландский делегат У. Галлахер заявил на заключительном этапе дискуссии, что в нынешних условиях «бессмысленно и смешно думать о завоевании старых тред-юнионов с их окостеневшим бюрократическим аппаратом»⁵⁷. Председательствовавший на заседании Зиновьев свернул набирающую обороты дискуссию, объявив, что вопрос предметно обсужден в комиссии и «в достаточной мере выяснен в литературе».

Такая бесцеремонность вызвала протесты иностранных участников конгресса. Представитель Ирландии констатировал с горькой иронией, намекая на то, что двухчасовую речь Радека перевели на английский за 20 минут: «Странно, что здесь так экономят время, хотя не заметно, чтобы в России привыкли особенно дорожить им»⁵⁸.

⁵⁴ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1898–1922. М., 1999, с. 357.

⁵⁵ См. письма представителя Коминтерна в Берлине Томаса Зиновьеву в июле-августе 1920 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 1, д. 25.

⁵⁶ Протокол, с. 306.

⁵⁷ Там же, с. 426.

⁵⁸ Там же, с. 362.

Вторая часть намека касалась непунктуальности лидеров РКП(б), прибытия которых на заседания конгресса иностранным делегатам приходилось дожидаться часами. Зиновьев, в ответ на намерение синдикалистов покинуть конгресс, объявил их ультиматум «угрозой, которой никто не испугается». 6 августа 1920 г. оппоненты предприняли последнюю попытку сопротивления, предложив вернуть проект Радека в комиссию, но и это предложение ожидаемо не набрало большинства голосов⁵⁹.

Решение по профсоюзному вопросу на Втором конгрессе Коминтерна имело отнюдь не частное значение, как это может показаться на первый взгляд. Обсуждение начинало буксовать, как только его участники переходили от общих схем и зажигательных фраз к предметному обсуждению задач и возможностей коммунистов в той или иной стране. Представители РКП(б), в руках которых находились все нити управления конгрессом, в очередной раз не смогли удержаться от соблазна решать политические вопросы по-военному, ставя на кон свой авторитет и пользуясь административным ресурсом.

Торжественное закрытие Второго конгресса Коминтерна состоялось вечером 7 августа 1920 г. Оно прошло в Большом театре и было оформлено как совместное заседание делегатов с членами ВЦИК, Московского совета и МГК РКП(б). Иностранные участники конгресса расселись на сцене, за столом президиума собрались только что избранные члены Исполкома, в зале разместились функционеры российской компартии, столичных профсоюзов и советов. Второй раз за все время работы конгресса на нем появился Троцкий, завершивший свое выступление призывом к рабочим всего мира: «В нашей московской кузнице, на московском огне мы создали крепкий булат — возьмите его в руки и вонзите в спину мировому капиталу»⁶⁰.

В ходе двухнедельных дебатов участники конгресса неоднократно подчеркивали новизну и уникальность создаваемого объединения. Их язык был насыщен военной лексикой, речь велась и о «генеральном штабе мировой революции», о «всемирной армии пролетариата», о «решающем штурме твердынь капитализма». Наряду с пережитым опытом Первой мировой войны, ментальным отличием творцов нового мира от сторонников лежавшего в руинах старого, было отрицание коммунистами политического опыта довоенного рабочего движения Европы. Редким призывом к осторожности («нам слишком неясны нынешние исторические условия различных стран, чтобы иметь ясное и точное представление друг о друге и о положении в каждой стране»⁶¹), противостояли настроения бури и натиска, последнего решающего боя. Эти взгляды разделяло подавляющее большинство делегатов. Несмотря на оговорки выступавших, срок окончательной победы мировой революции пролетариата определялся в два-три года. Доклад Ленина, открывавший конгресс, также не оставлял капитализму никаких шансов на дальнейшее существование в исторической перспективе.

Работу делегатов облегчало мощное информационное сопровождение, за которое отвечали лучшие пропагандисты РКП(б). С 25 июля несколько раз в день на немецком, английском и французском языках издавался информационный бюллетень, который рассказывал о положении на фронтах гражданской войны в России и перепечатывал сообщения телеграфных агентств со всего мира⁶². В фойе перед залом заседаний были размещены фотовыставки, посвященные погибшим деятелям революционного движения, планшеты с отчетами наркоматов о своей работе. В один из воскресных дней делегаты прослушали доклад о культурно-просветительской работе в Советской России. Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский прочел его на испанском, французском, английском и итальянском языках⁶³. Немецкие делегаты встреча-

⁵⁹ Там же, с. 432. В голосовании приняло участие всего 56 человек, менее четверти списочного состава делегатов. — РГАСПИ, ф. 489, оп. 1, д. 1, л. 13.

⁶⁰ Правда, 8.VIII.1920 г.; РГАСПИ, ф. 489, оп. 1, д. 48, л. 23.

⁶¹ Речь Серрати 30 июля 1920 г. — Протокол, с. 240.

⁶² Всего был выпущен 41 номер бюллетеня. — РГАСПИ, ф. 489, оп. 1, д. 52—54.

⁶³ Луначарский А. В. Общий очерк дела народного образования в РСФСР. Неопубликованный доклад делегата II Конгресса Коминтерна. — Народное образование, 1960, № 11, с. 81—86.

лись с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, наркомом труда В. В. Шмидтом, другими высшими функционерами Советской России.

Ознакомительные поездки по стране с началом конгресса ограничились для его участников Москвой и ее окрестностями. В обязательную программу входило посещение школ, детских садов, различных коммунальных учреждений и воинских частей. Стандартный ритуал включал в себя вручение красных знамен и избрание делегатов почетными рабочими (служащими, красноармейцами). О контроле со стороны ВЧК не вспоминает ни один из иностранцев. Делегатам показали Бутырскую тюрьму, приюты для беспризорных. Два члена делегации НСДПГ, занимавшие антикоминтерновскую позицию, посетили даже московское бюро партии меньшевиков-интернационалистов⁶⁴.

Делегаты, которые после завершения Второго конгресса остались в Москве для дальнейшей работы в аппарате ИККИ, были отправлены в дом отдыха в поместье Ильинское-Усово в 20 верстах к западу от Москвы, а по возвращении оттуда поселены в отель «Люкс» на Тверской улице⁶⁵. После экстремально жаркого лета им пришлось познакомиться с русскими холодами. На защиту мерзнувших иностранцев встал Троцкий. 19 октября 1920 г. он обратился в ЦК РКП(б): «Насколько я знаю, в “Деловом дворе”, как и в других московских учреждениях, собираются топить, согласно постановления Моссовета, не раньше 1 ноября. Это создает опасность того, что иностранцы вымрут у нас все. Думаю, что необходимо после смерти Рида обратиться на них сугубое внимание. Еще одна-две смерти, и к нам никто не отважится ехать»⁶⁶.

После завершения конгресса внимание руководящего ядра большевистской партии было приковано к боевым действиям на советско-польском фронте. 10 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) высказалось за то, чтобы «предложить через Коминтерн делегатам конгресса в связи с усложнившимся международным положением срочно разъехаться по местам»⁶⁷. Тем же решением среди немецких коммунистов была отобрана группа для развертывания пропаганды в Восточной Пруссии, если после разгрома Польши Красная Армия двинется дальше на Запад. Контрнаступление польской армии стало тяжелым ударом по стратегическим планам большевиков. «Наше отступление привело к известной задержке намечавшегося темпа международной пролетарской революции», признавал впоследствии Зиновьев⁶⁸.

При обсуждении работы Коминтерна на Девятой конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. роль главного оппозиционера принял на себя Радек. Имея в виду наступление Красной армии, он заявил: «Если мы меняем политику, то надо об этом извещать руководящих товарищей за границей. А я утверждаю, что девять десятых (делегатов. — *А.В.*), бывших на конгрессе Интернационала, не знали о нашем повороте. Я, конечно, думаю, что после опыта поражения под Варшавой мы будем более тщательно взвешивать соотношение сил. Но я говорю, что если мы хотим правильного поворота в общей политической линии, чтобы не обращаться потом в бегство, необходимо, чтобы на Коммунистический Интернационал не переносилась та уверенность, которую имеет ЦК по отношению к русским делам»⁶⁹.

Эмоциональное выступление Радека на партийной конференции не прошло бесследно. У него появился влиятельный покровитель — Троцкий, который разделял его опасения относительно судьбы зарождавшегося коммунистического движения. Вслед за Радеком он признал, что итоги Второго конгресса за рубежом «истолковываются

⁶⁴ Dittmann W. *Op. cit.*, S. 733–734.

⁶⁵ Rosmer A. *Op. cit.*, S. 88.

⁶⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 109, д. 103, л. 24. Джон Рид умер от тифа 19 октября 1920 г. и был похоронен вместе с Инессой Арманд у Кремлевской стены.

⁶⁷ Политбюро, с. 57.

⁶⁸ Десятый съезд РКП(б), с. 500.

⁶⁹ Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. М., 1972, с. 148.

как организационное закрепление диктатуры РКП в международном масштабе»⁷⁰. Троцкий опирался на репортажи немецких и французских газет. «Коммунистические организации в других странах уже достаточно сильны, чтобы не чувствовать младенческой потребности держаться за полу нашей партии, и в то же время еще слишком слабы, чтобы не бояться травли (буржуазной прессы. — А. В.), бьющей на национальное самолюбие рабочих». Мы требуем от них проявления солидарности с Российской революцией, подчеркнул Троцкий, и лозунг помощи Москве, брошенный Коминтерном, вполне справедлив. Но «лозунг этот ни в коем случае не может означать для сознательных рабочих других стран признания нашей организационной диктатуры над Интернационалом и международными профсоюзами»⁷¹. Трудно увидеть в этом предложении альтернативную концепцию коммунистического движения, но очевидно, что в 1920 г. перед ним открывался широкий спектр путей дальнейшего развития, которые так и не стали предметом детального обсуждения на конгрессе.

Критические голоса иностранных коммунистов, звучавшие в Москве летом 1920 г. и предупреждавшие об опасностях «доминирования русских товарищей», не были услышаны. Внимание Ленина и Зиновьева гораздо больше привлекала революционная трескотня «левых», готовых идти в «последний и решительный бой» невзирая на обстоятельства. Ультиматумы Радека, равно как и осторожные замечания Троцкого, исходили из сложившегося соотношения сил в Политбюро ЦК РКП(б), основой которого был непререкаемый авторитет вождя. Лишь после смерти Ленина разногласия в партийной верхушке большевиков стали достоянием гласности; оформилось оппозиционное движение, которое вошло в историю как «троцкизм».

Если Первый конгресс был лишь провозглашением Коммунистического Интернационала, то Второй стал его реальным основанием. Об этом вслед за Лениным говорили все лидеры большевизма. Иностранные делегаты также были согласны с тем, что «Второй конгресс Коминтерна в действительности был его первым конгрессом»⁷². К лету 1920 г. пик революционной волны в Европе уже прошел. Но коммунисты были уверены в том, что победа мировой революции пролетариата — дело ближайшего будущего, что эта революция сможет победить лишь в том случае, если пойдет по русскому образцу.

В ходе подготовки и проведения конгресса представители РКП(б) в полной мере использовали преимущество первооткрывателей; они выступали в роли строгих и все знающих учителей зарубежных коммунистов, приехавших в Москву. Дискуссии и решения Второго конгресса Коминтерна являют собой разительный контраст с дореволюционными съездами РСДРП, когда любая дискуссия грозила внутривнутрипартийным расколом, а проведение каждого решения требовало от лидеров партии титанических усилий и болезненных компромиссов.

Именно на Втором конгрессе была заложена традиция, сопровождавшая все последующие форумы Коминтерна — неформальные встречи отдельных лидеров и делегаций в их ходе имели большее значение, нежели официальные пленарные заседания. Накануне закрытия конгресса эти заседания собирали в Андреевском зале Кремля менее четверти делегатов. «Коридорный конгресс», как говорили в кулуарах сотрудники аппарата Коминтерна, получил развитие из-за совпадения ряда факторов: заседания продолжались более двух недель, что давало время для неформальных контактов; немалое число участников прибыло задолго до начала конгресса и все это время искало встречи с руководителям РКП(б), чтобы заручиться их поддержкой или добиться финансовой помощи. Доминирование неписаных договоренностей над официальными резолюциями порождало своеобразное «двоемыслие», когда формальное согласие сопровождалось попытками «частным образом» отстоять собственное мнение.

⁷⁰ Письмо Троцкого членам Политбюро 6 октября 1920 г. — РГАСПИ, ф. 17, оп. 109, д. 122, л. 1–2.

⁷¹ Там же.

⁷² Rosmer A. Op. cit., S. 72.

Опыт Российской революции незримо присутствовал в дискуссиях по каждому пункту дня повестки конгресса, хотя руководители РКП(б) (которая согласно уставу являлась такой же секцией Коминтерна, как голландская или болгарская партии) не поставили на обсуждение «русский вопрос». Мотивы этого нетрудно понять — «первая живая рабочая революция» все еще находилась между жизнью и смертью, ее лидеры продолжали отчаянные социальные и политические эксперименты. Их кодификация переносилась из прошлого в будущее, оформлялась в резолюциях конгресса по ключевым моментам стратегии и тактики коммунистов в странах, где власть еще предстояло завоевать.

Критические замечания в адрес Российской революции со стороны иностранных делегатов казались Ленину и его соратникам столь же неуместными и бесполезными, как обсуждение достоинств электричества теми, кто не использует его в быту. Победители, «прошедшие огонь и воду» революции и гражданской войны, попросту не могли избежать «медных труб» славословия и сформировать на конгрессе среду общения равных среди равных. Иностранные коммунисты как должное принимали такое распределение ролей, отчасти напомилавшее иерархию пастыря и паствы. В день закрытия конгресса норвежский делегат Я. Фриис заявил: «Ничего предосудительного нет в том, что нам хотят навязать диктатуру. Каждый вопрос, возникающий в Исполкоме, стоит или в ближайшем будущем будет стоять в теснейшей связи с русской политикой... вполне естественно, что в Малом Бюро будут заседать одни лишь русские товарищи»⁷³.

Хотя уверенность в собственной гегемонии разделяли все лидеры большевизма, ее практическое воплощение они представляли себе весьма различно. Ленин неоднократно говорил о том, что после победы пролетарской революции в ведущих странах Европы туда переместится центр мирового развития, а большевики вновь окажутся на периферии, вернувшись к роли догоняющих. Острые дискуссии велись об отношении к течениям и партиям, находившимся «слева» и «справа» от коминтерновского фарватера. Большинство представителей РКП(б) в Коминтерне благоволило «левым», их возвращение на путь истинный казалось делом нетрудным и недолгим. Представители анархо-синдикалистских взглядов внесли значительный вклад в восторженную атмосферу Второго конгресса, однако их идейная платформа не наложила серьезного отпечатка на его решения.

«Справа» от Коминтерна находились социалистические партии, руководство которых признало крах Второго Интернационала, но по тем или иным причинам не решалось перейти в лагерь коммунистов. Их лидеры не требовали — они просили начать переговоры о вступлении своих партий в Коминтерн, проявляя максимальную готовность к компромиссу. Второй конгресс взял курс на раскол этих партий, чтобы выбросить из них «обуржуазившихся вождей», которые якобы удерживали от перехода к коммунистам рабочие массы. «Двадцать одно условие» приема в Коминтерн, пожалуй, самое известное из решений конгресса, должно было стать катализатором этого процесса.

Отвергнув модель собирания сил сторонников новой России, не допустив международной дискуссии о дальнейшем пути ее развития, Ленин предпочел сделать Коминтерн, пользуясь его определением, «лучше меньше да лучше». Это не было волюнтаристским решением всемогущего вождя. Большевистская партия имела в своем багаже только опыт подпольной борьбы в условиях жесткого авторитарного режима. После прихода к власти она выстояла в гражданской войне как раз благодаря тем качествам, которые были привнесены ею в практику Коминтерна. Именно они — строжайшая дисциплина и милитаризация, назначенчество и комиссары с чрезвычайными полномочиями — должны были стать залогом всемирной победы коммунистов. Это был путь, который мог привести лишь к появлению по всему миру точных копий большевистской партии, с известным отставанием повторявших эволюцию оригинала.

⁷³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 1, д. 7, л. 18.